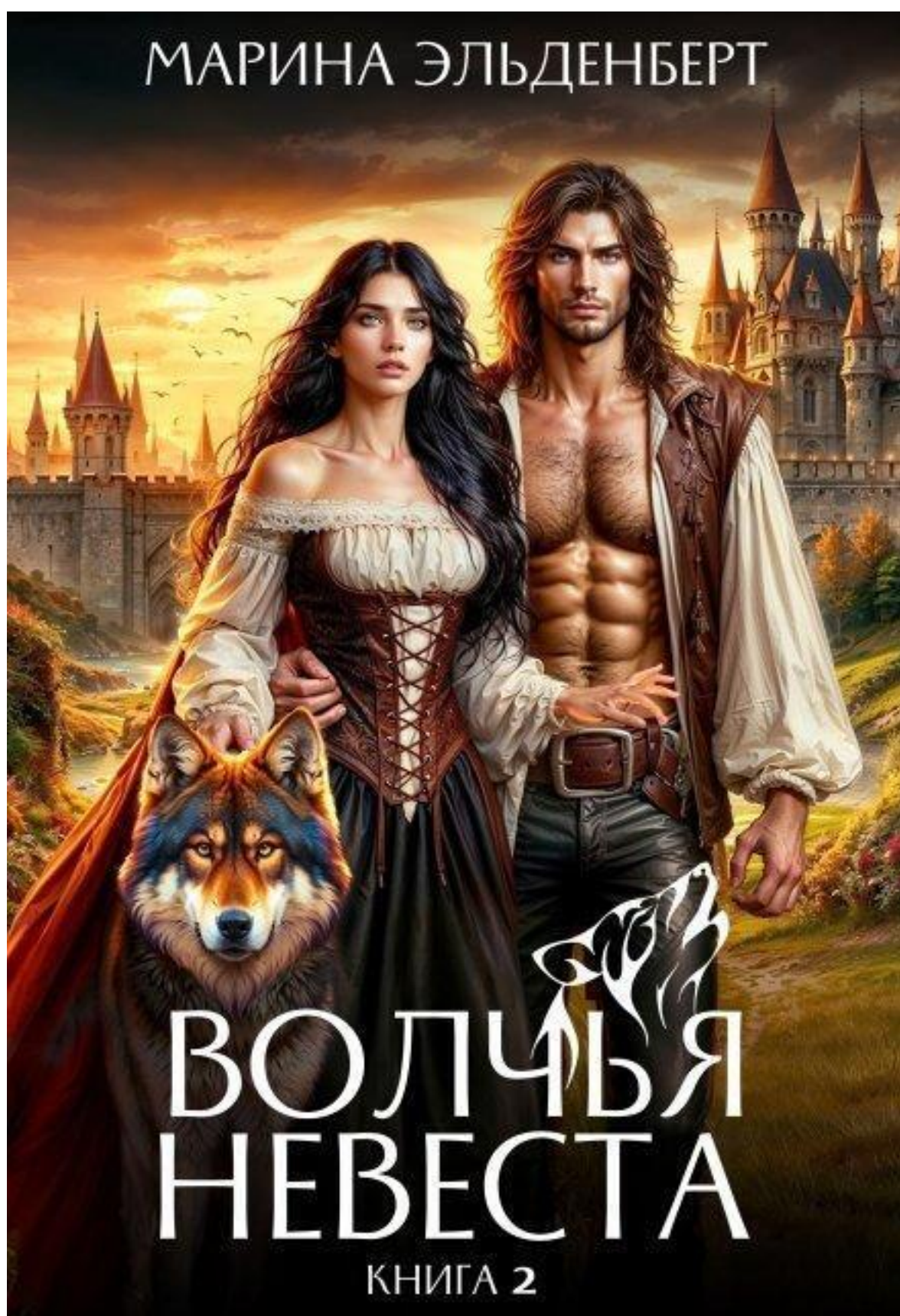

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

ВОЛЧЬЯ НЕВЕСТА

КНИГА 2

Марина Эльденберт

Волчья невеста 2

«Литнет»

2024

Эльденберт М.

Волчья невеста 2 / М. Эльденберт — «Литнет», 2024

В нашем мире почти все люди под властью альянса тринадцати альф. Могущественных чудовищ, которые с каждого завоеванного народа требуют дань — чистых и невинных дев для постельных утех. Их называют волчьими невестами, и нет страшнее участи, чем лечь под зверя, стать игрушкой. Я прогневила своего бога и по воле судьбы заменила тринадцатую. Так я стала истинной одного из альф. Я спаслась, но теперь за мной по пятам ходит зверь, не дает забыть тот кошмар и начать новую жизнь. Я хочу его прогнать, но что, если он единственный, кто действительно может меня спасти? Что, если он правда мой истинный?#Темные времена, где миром правят альфы, а люди их рабы #Храбрая героиня #Властный альфа, встретивший свою истинную #Будет горячо, будет больно, местами стыдно за героев #Самостоятельная история по миру Вервольфов Вторая часть дилогии. Первая книга здесь **НОВИНКА ПО МИРУ!**

© Эльденберт М., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Визуал: Тео и Ева	21
Глава 4	22
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Ева

Говорят, что у Владыки на каждого из нас свой план. Вроде как судьба человека предрешена еще с самого его рождения. Кто бы там свыше ни планировал мою жизнь, он явно переслушал баллад или страшных сказок, из тех, которыми пугают детей, чтобы не ходили далеко в чащу леса или не играли на болотах. Потому что, возвращаясь в родную деревню, я оставляла за спиной то, что раньше не могла даже вообразить. Кровь, страх, страдания и... тайну. Тайну, которую хотела бы забыть. Вырвать и сжечь эту страницу летописи моей жизни. Увы, идущий рядом со мной зверь не позволял сделать вид, что ничего этого не было: ни моего статуса волчьей невесты, ни смерти генерала, спасителя человечества, а на деле мерзавца, использующего всех и вся.

Прогнать зверя у меня не получалось, эта упертая скотина отныне считала себя моим защитником. Верным телохранителем, следующим иногда по пятам, иногда забегающим вперед. Вервольф на побегушках у селянки! Узнал бы кто, не поверил. Но Теодрик ни разу за все наше долгое путешествие не перекинулся в мужчину. За это я была ему самую капельку благодарна, потому что наши отношения с вервольфом в человеческом облики были сложными... Я бы предпочла, чтобы их не было вовсе, он же считал иначе.

Иногда мы разговаривали. Я бы сказала, что чаще всего я пыталась от него избавиться. Убегала или угрожала палкой. В первом случае зверь с легкостью меня догонял, во втором просто садился на задницу и внимательно меня рассматривал, не скалясь и не пытаясь защищаться. На все мои вопросы, в моей голове звучал уверенный мужской голос:

«Ты моя истинная. Я забочусь о тебе».

Он так мне раньше и сказал: «Ты моя истинная, и я докажу тебе это. Если ты и после этого захочешь, чтобы я ушел, так тому и быть».

Я множество раз заявляла ему, что хочу, чтобы он шел своей дорогой, но зверь продолжал идти моей. Впрочем, путь домой оказался быстрее и проще, когда у тебя в защитниках огромный бурый волк. Я добралась в родную деревню меньше чем за месяц, чтобы найти ее пустой.

Первой мыслью было: опоздала. Лиам, мой злейший враг, дотянулся до моих родных, уничтожил. Я упала на землю перед домом, в котором родилась и прожила практически всю свою жизнь, и горько, навзрыд, заплакала.

Опоздала. Не защитила. Навлекла на них беду своим желанием помочь незнакомке. Да только где теперь та Айра? И где мама? А мои сестры? Они же совсем малышки!

Я так увлеклась собственным горем и чувством вины, что не сразу заметила, что зверь лбом толкает меня в плечо.

«Твои слезы разрывают мне сердце, моя луна», — тяжело выдохнули в моей голове.

— Отстань! — зло прорыдала я. — Это все из-за тебя и альянса. Если бы вы не пришли к нам...

«Если бы люди не пришли к нам, не сделали того, что сделали, я бы не отправился сюда мстить».

— Отомстил? Теперь мстить некому!

«Странно. Нет тел или крови».

Я не стала отвечать, да и что толку? Кажется, выплакала все слезы, не заметила даже, как зверь вскинул голову и куда-то убежал. А вернулся... с теткой Кларой.

Я сначала решила, что мне привиделась ковыляющая от волка старушка. Наверное, она хотела убежать от чудовища, но больные колени не позволяли ей двигаться быстро.

— Евушка! — ахнула она, наконец-то заметив меня. В отличие от коленей, глаз у тетки был зоркий. — Беги отсюда!

— Он со мной, тетушка, — призналась я, подбежав к ней и поддерживая старушку, не позволяя ей свалиться к моим ногам. — Он не сделает вам ничего плохого.

Сказала это и сама удивилась, откуда у меня эта уверенность? Ведь с детства любой человек знает, что зверь — его лютейший враг. Только Теодрик возомнил меня своей истинной, а для них это не пустой звук. Самое святое, что можно отыскать в мире.

Собиралась ли я этим пользоваться? Точно нет. Я желала вернуться к людям, а волка оставить в лесу.

— Ты приручила зверя, Евушка? — внимательно посмотрела на меня старушка, но заметно расслабилась. — Всегда знала, что ты утрешь нос всем нашим мужикам.

Я покосилась на усевшегося неподалеку волка. Жаль, у Клары такое хорошее зрение. Пусть бы считала, что это просто животное, а не двуликий.

— Да разве их можно приручить, тетушка? Он сам привязался.

— Привязался, говоришь? Может, это и к лучшему в наше беспокойное время. Видно, перемены действительно на пороге.

— Что случилось? На деревню напали?

— Напали? Что ты! Все сами ушли. В Крайтон.

«Я же говорил, что не чую крови», — прошелестело волчье в голове.

Наступила моя очередь удивляться.

— Но почему?

— Там безопаснее, девочка. Все твои ушли.

Знание, что моя семья в безопасности, лекарским бальзамом легло на душу. Я снова расплакалась, но на сей раз от облегчения.

— А вы почему не ушли? — спросила сквозь слезы, обнимая Клару.

— Я смерти не боюсь, Евушка. Мне родной дом милей всяких крепостей.

Я помогла старушке, отвела ее к дому, а сама вернулась к своему. Сердце требовало отправиться за близкими прямо сейчас, здравый смысл настаивал на том, что блуждать по лесу ночью даже в компании привязавшегося зверя — идея так себе. Солнце нырнуло за лес, и я приняла решение остаться на одну ночь в родной деревне.

Растопила печь, согревая пустой дом, притащила воды из колодца, чтобы умыться. Вербольфа на порог не пустила: здесь мне не нужна была его защита и теплый бок. Да и хотелось наконец-то побыть одной, среди человеческих вещей, а то так и одичать в лесу можно. Начать на полную луну выть, как те звери. Видела, что ночное светило круглое-круглое, когда воду набирала, оно отразилось в ведре как ярко-желтый пышный блин. Слышала, она на зверей влияет. А на меня? Кто я теперь?

Прогоняя прочь эти странные мысли, я залезла в нагретую бочку и подтащила к себе старое мамино зеркало, рассматривая свое отражение. Из него на меня смотрела диковатая девица с огромными глазами. На секунду показалось, что даже желтые блики мелькнули в моем взгляде, но я моргнула, и все исчезло. Как исчез шрам от удара кликом: на шее лишь едва уловимый розовый след остался, если не знать, то можно ничего и не заметить.

Что за бесовщина? Если с вервольфами все более-менее было понятно, все альфы резво приняли меня за истинную, то что происходит со мной? Я же не всегда была такой, и родители у меня нормальные, человеческие.

В растрепанных чувствах я отложила зеркало и взялась за мыло. Ох, каким это было наслаждением — купаться в теплой воде. Наконец-то прополоскать волосы, отмыть кожу от грязи и дорожной пыли. Нет, жизнь в лесу это не мое. Мне ближе человеческие изобретения.

Только промыв волосы несколько раз и хорошенько их прополоскав, я вышла из воды. Кожа горела от жара и скрипела от чистоты, но я была счастлива. Наконец-то я была дома.

Оделась в свою родную одежду, длинную, до пят, хлопковую непрозрачную сорочку и домашнее платье, села сушить волосы и расчесывать их возле печи.

О Теодрике я вспомнила спустя время: будто кто-то в спину толкнул. Прикусила губу, размышляя о пришедшей в голову мысли. Он причинил мне много зла, много боли, и сам выбрал, как ее искупить, следуя за мной. Защищая меня в пути. Можно сказать, мы были квиты. Но сейчас я чувствовала, что нам нужно поговорить. Поставить точку.

Вышла на крыльцо, а зверь тут как тут — застыл возле дверей.

— Там есть бочка, — кивнула я за плечо. — Если принесешь воду, сможешь помыться.

«Ты приглашаешь меня к себе?» — кажется, он удивился больше меня самой.

— Нет, — отрезала я, глядя в волчьи глаза. — Я хочу отблагодарить тебя за то, что помог мне добраться домой. На этом между нами все. Я прогоняю тебя. Это последняя ночь, завтра надеюсь тебя больше не увидеть.

Я скрылась в доме раньше, чем волк успел что-либо ответить. Даже достала ему отцовскую одежду — мой отец, конечно, не был таким великаном, но это самое большее, что я могла сделать для своего палача и спасителя.

Сама же я легла спать. Зря только к стене не отвернулась, потому что в дом шагнул совершенно нагой Теодрик, несущий сразу два ведра с водой. Я свечу не погасила, вот все и увидела. Вервольф в зверином облике меня не пугал, а вот мужчина... Воспоминания о том, что и как он делал со мной, накатили разом, заставив меня задыхаться от волнения. Но самое странное было то, что меня при виде него словно обдало жаром. Во рту пересохло, а в теле появилось странное томление.

Я все-таки отвернулась, пытаюсь справиться с жаждой. Да, это была именно жажда. Стало лишь хуже, потому что теперь я ничего не видела, зато прекрасно слышала, как вервольф плещется в согретой водичке. Мне и самой водички захотелось, только холодной.

Когда он закончил, я была уже сама не своя, надумав себя всякого. Кожу кололо даже под мягким одеялом, тело лихорадило. Меня будто что-то звало, толкало в спину, заставляло желать чего-то... Или кого-то.

— Это все полная луна, — раздалось за спиной так близко, что я едва не подпрыгнула. Обернулась резко, заметив мужчину возле своей постели. Глаза его горели в полумраке. — Она действует так на всех вервольфов, но особенно на тех, кто обрел истинных. Позволь помочь тебе? Унять эту боль.

Я отшатнулась от него, как от огня, сжала тонкое одеяло до побелевших костяшек. Мой взгляд заметался по его лицу, по телу. Теодрик обернул отрез ткани вокруг бедер, но я все равно видела его наготу, помнила его наготу, и меня еще больше затрясло от этих воспоминаний.

— Не смей, — вместо голоса у меня прорезалось какое-то рычание.

Он с досадой цокнул языком, тряхнул влажной копной волос, заглянул мне в глаза.

— Я не стану ничего делать против твоей воли, как обещал уже сотню раз, — напомнил он. — Ты моя истинная.

— То есть, если бы не была истинной, ты бы на меня набросился? — не удержалась я от колкости.

Мужчина поморщился, будто мои слова причиняли ему боль.

— Ева, давай не будем представлять, что бы было, а чего бы не было. Ты моя истинная, этого не изменить и не исправить.

— Я ничья истинная! Ничья, понятно? Я человек.

— Больше нет, — заявил этот упертый зверь. — Луна связала нас и все изменила. Тебя изменила. Твое тело, твои чувства и способности. Не удивлюсь, если ты окончательно станешь волчицей.

Он говорил это с такой гордостью, с таким теплом, будто я получила милость Владыки, а вот у меня по спине пробежал мороз, даже несмотря на то что благодаря натопленной печи в доме было тепло, даже жарко.

— Стану зверем? — выдохнула я. — Это ужасно!

— Почему ужасно?

Густая челка упала ему на лоб, и теперь Тео смотрел на меня будто из-за завесы. Исподлобья.

— Я стану тем, кого ненавижу больше всего, — выплюнула я и отвернулась.

Может, не лучшая идея — поворачиваться к зверю спиной, но я видеть его не хотела. И слышать его речи тоже. Я не стану волчицей, это невозможно. Я человек и останусь им.

Послышался тяжелый вздох, а затем скрип половиц. Только шагов я не услышала. Я повернулась, чтобы убедиться, что вервольф не ушел, и обнаружила Теодрика на полу.

— Почему ты не перекидываешься в зверя? — спросила, приподнявшись на локте.

— Ты бы этого хотела? — Его вопросы на мои вопросы меня дико раздражали, но, кажется, проблема была в том, что раздражал меня сам альфа.

— Делай, как хочешь, — я махнула рукой и снова отвернулась. И чуть не подпрыгнула.

— Я хочу заключить тебя в объятия, Ева, и согреть этой ночью.

— Я больше в этом не нуждаюсь! — разозлилась я. — Не в тепле, не в тебе.

— Уверена? Луна шепчет тебе иное. Ты теперь тоже немного зверь, значит, чувствуешь ее и зов истинных. Твое тело горит, а душа изнывает от тоски. Я жил так долгие годы, знаю, о чем говорю. Только ни одна женщина не могла утолить мою жажду. До твоего появления. Так работает истинность. Парность.

Я прислушалась к себе и поняла, что действительно все это чувствую. И жар в груди, и смятение, и желание коснуться себя между ног, там, где горячо и влажно. Но даже себе в таком стыдно признаться, не признаваться же в этом зверю?

Бесы!

— И как от этого избавиться?

Я снова повернулась к альфе и поняла, что он лежит на боку и внимательно следит за мной.

— Только утолив жажду.

От страха меня снова всю скрутило, передернуло.

— Нет, — повторила я четко. — Даже думать об этом не смей. Я больше не буду твоей игрушкой.

— Игрушкой? — грустно усмехнулся Теодрик. — Я благодарен богам за еще один шанс, за истинную, но пошутили они надо мной знатно. Ты не игрушка, Ева. Истинная — это самое дорогое, что есть у волка. Я сделаю для тебя все.

— Все, кроме того, чтобы оставить меня в покое? — поинтересовалась с горечью. — У нас был уговор!

— Но ты даже не попробовала пойти мне навстречу.

— Я?! — взвилась на постели. — Я позволила тебе идти за мной. Я поблагодарила тебя за помощь. Но я ненавижу вервольфов и ваши законы.

— Я не оставлю тебя, пока вижу, что ты нуждаешься во мне.

— Я нуждаюсь во сне!

Я снова отвернулась и закуталась в одеяло с головой, тем самым завершая этот бесполезный разговор. Но, несмотря на мои слова и усталость от блужданий по лесам и полям — меня должно было срубить, как убитую, сон совсем не шел. Может, не хватало волка под боком, его мерного стука сердца и согревающего дыхания. Может, Теодрик был прав: во всем нужно винить луну и мое превращение.

Если боги решили подарить меня Тео, они посмеялись не только над ним, но и надо мной, хотя чужим богам я точно не молилась.

Полная Луна, такая огромная и желтая, заглянула в окно, освещая и мою постель, и догоревшую свечу, и большого, неспящего мужчину на полу. Мне вмиг стало жарко, томление в теле вернулось, а вместе с ним эта непонятная жажда. Точнее, благодаря Теодрику я теперь знала, что это такое. Но позволить ему коснуться меня? Ворваться в мое тело? Прижать к твердой койке? Эти картины должны были меня напугать или наполнить отвращением, но вместо этого под одеялом стало совершенно жарко, а между ног — влажно, будто само мое тело жаждало принять альфу.

Да что же это такое?!

Я закусила край одеяла и перевернулась на живот, желая, чтобы это все прекратилось. Это мука. Все мое тело, вся я ждала освобождения. И я знала, как его получить. Нырнула пальцами под ночную сорочку, касаясь самой чувствительной точки. Скользнула между складок, зашипела от холода — почему-то собственные руки показались мне ледяными. Растереть точку, что здесь сложного? Но мне словно этого было мало. Все не то.

— Ева, не мучь себя, — послышался его шепот. — Я сделаю это за тебя, а ты сможешь поутру во всем меня обвинить.

Я всхлипнула и отбросила одеяло в сторону. Иного приглашения Теодрику было не нужно: он тут же скользнул на постель, заключая меня в объятия, обволакивая собой, занимая почти все место.

— Ненавижу тебя, — прошипела, раздвигая ноги, хорошо помня, как он брал меня. Как было больно и стыдно. Но альфа не стал врывать в меня силой: он просто убрал мои ладони, заменив их своей рукой.

Меня подкинуло, казалось, до самых потолков, когда он уверенно коснулся моих влажных складок. Провел по ним, погружаясь в эту томность. Если я до этого беспорядочно терла точку, то он словно играл мелодию на лютне. Мелодию, известную только ему одному. Его горячее дыхание коснулось моего виска, пощекотало у кромки волос.

Я всхлипнула, когда шершавые пальцы погладили меня внутри. Сначала один скользнул во влажную глубину, затем второй, вызывая во мне новый грудной стон. Теодрик растягивал меня, то погружался пальцами, то надавливал снаружи, и я быстро потерялась в этом ритме. Стонала и подавалась ему навстречу, насаживаясь на его пальцы, протестовала, когда они покидали мое тело. Вскидывала бедра, сильнее их разводя, поджимала пальцы на ногах. Мысленно просила большего.

Того постыдного удовольствия, что уносило меня раньше. Той желанной боли, которую и хотела забыть, и вечно помнить.

— Ах, — выдохнула я, когда к двум пальцам добавился третий, и стало так тесно, что было невозможно. Выдохнула, ловя губами прохладный воздух, и вскрикнула, когда мое тело пронзила судорога нестерпимого наслаждения.

Теодрик поймал мои губы, сорвав с них короткий поцелуй, украв мое дыхание.

Я распахнула глаза широко-широко, врезавшись взгляд во взгляд желтых, звериных. Но это был по-прежнему мужчина, вервольф, альфа. Он держал меня в объятиях, такую раскрытую, такую доступную. Бери, не хочу. Его лицо было словно каменное, словно Теодрик сдерживался из последних сил, и я поняла, что сейчас меня распластают по постели, накроют собой и на этом свобода моя закончится.

Я даже захотела этого: ради того, чтобы у меня был повод его прогнать, ради того, чтобы возненавидеть окончательно, и еще чуточку ради того, чтобы испытать это постыдное удовольствие снова. Но Тео не пошевелился, хотя я бедром чувствовала — луна действует на него не меньше. Если не больше. Он рвано выдохнул, нежно провел по коже бедер, одернул подол и расслабился, лишь теснее прижав меня к себе.

— Я не дам тебе шанса возненавидеть меня, Ева, — глухо сказал он мне в макушку. — Не за заботу о тебе точно.

— Это забота? — После пережитого мой голос хрипел и скрипел как несмазанная телега.

— Это забота, моя луна.

Выдохнуть «спасибо» мне не позволила гордость. Точнее, ее крупиты, что у меня еще остались. Но мое тело больше не горело, глаза закрывались, а разум затуманило дремотой. Лекарство альфы от лунного влияния помогло: я проваливалась в сон. Одно только меня волновало, хватит ли одного раза, чтобы избавиться от этого наваждения?

Глава 2

Теодрик

Тео сжимал истинную в своих объятиях всю ночь, привычно согревая и защищая ее. От любой напасти: призрачной, сотканной представлениями Евы о вервольфах, ее нежелании поверить в его чувства и в то, что все изменилось, стоило ему понять, кто перед ним, и настоящей, которая могла грозить его луне. Пусть даже Альянс разрушен и альфы повержены, на свободе вполне могли ходить прихвостни генерала. Кому как не ему знать, на что способны эти овцы в волчьих шкурах!

Сегодня ночью он сделал к ней крошечный шаг, но не спешил обольщаться. С Евой один шаг вперед, сотню назад. У него несколько ночей ушло на то, чтобы приучить ее спать вместе со своим волком: то на дерево залезет, то попытается бежать. Потом все-таки привыкла, или взвесила все за и против. Чего у его истинной не отнять, так это ума и смекалки. Гордость гордостью, а без него она бы замерзла в тех лесах или стала легкой добычей зверя. Не вервольфов, так медведя или рыси. По пути им попадалось много зверья, но все обходили их стороной, почуяв хищника пострашнее. Ева поняла, что с ним будет безопаснее, и уступила.

Приняв звериный облик, он приручал Еву. Заботой, чувством безопасности. Радовался каждой маленькой уступке. В отличие от Евы, которая стремилась в родную деревню, Тео было все равно куда идти. Встретивший истинную последует за ней хоть на край земли. Единственной его целью было приручать ее постепенно, мягко, показать луне, что истинность не проклятие, а бесценный дар. Будь Ева волчицей, она бы сразу это почувствовала. Их связь, это притяжение, эту радость и счастье. Но она волчицей не была. Ева родилась человеком, поэтому звериные порывы ее пугали. Сам Теодрик пугал ее, напоминал о прошлом, в котором он уже не раз раскаялся.

Поэтому, перекидываясь в мужчину он понимал, что здорово рискует. Истинная может прогнать, а может испугаться, и тогда все его потуги, все, чего он успел добиться, пойдет насмарку. Но Ева сначала удивила его приглашением, затем своим ароматом.

Теодрик знал, что аромат истинной в полную луну способен сводить с ума молодых волков. Они теряют связь с разумом, отдаваясь на волю инстинктов, так было у него с Лувой. Возможно, это помогло в этот раз. Ему пришлось сдерживать рвущего на волю волка, только чтобы не наброситься на Еву. Чего только ему стоило устоять перед этим ароматом луговых цветов, перед зовущим запахом изнывающим от той же жажды истинной. С Евой все было иначе. Гораздо острее и опаснее. Опаснее, потому что любая ошибка могла стать последней, разрушить их хрупкое перемирие.

Впрочем, вчера он сдержался и тем самым продвинулся вперед. Так, по крайней мере, Тео считал до самого утра. Сам толком не спал, сжимая истинную в объятиях, а затем надел мужскую одежду, что она вручила ему. В душе заворочалась ревность при виде простых рубахи и штанов какого-то работяги, но альфа напомнил себе, что Ева досталась ему нетронутой. Кем бы ни был мужчина, чьи вещи она хранила, он ее не касался. Не был ей мужем.

Ева стала супругой Тео в их самую первую ночь, хотя не знала этого. Альфа и сам не знал, а теперь расхлебывал кашу, которую заварил.

Проснувшись, Теодрик хотел вновь обернуться волком, но передумал. Если истинная позволила ему обнимать и ласкать себя, значит, больше его не боится. Так чего таиться и изображать из себя послушного пса? Он мужчина. Ее мужчина. Пусть привыкает, что теперь он будет возле нее таким.

Пока Ева спала, Тео снова натаскал воды, подбросил дров в печь, посмотрел, что осталось в погребке. Видимо, ее семья уходила из деревни в спешке и налегке, потому что внизу оказа-

лись запасы летнего урожая: мешки с картошкой и морковью, соленые грибы, сушеные фрукты и прочее. Небогато, но сразу видно, что его истинная до того, как попала в лапы выродка Лиама, не голодала.

Теодрик сходил к ближайшей речушке и поймал рыбу, вернулся и приготовил ее на огне. К рыбе пошли овощи. Возня и запахи, конечно же, разбудили Еву, и она вскочила на постели, заспанная и взъерошенная, как маленькая птичка.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Не видно? — обернулся Тео. Кухня была отделена от спальни условными деревянными столбами, которые удерживали крышу. Неудобно, если хочешь уединиться, но так он мог наблюдать за спящей Евой. — Готовлю нам завтрак. Лапами это было неудобно, а сейчас могу вернуть тебе долг.

— Ты мне ничего не должен, — проворчала истинная и, завернувшись в одеяло, пошла умываться.

— Вот и понимай теперь, удовлетворил я луну или нет, — пробормотал себе под нос альфа.

Ева умылась, затем спряталась за широким столбом, а вынырнула оттуда уже в другой одежде. У Тео глаза на лоб полезли, когда он увидел луну, щеголяющую в мужской одежде, а после его брови сошлись на переносице. При виде истинной в штанах и заправленной рубаше, подчеркивающей тонкую талию, он сам чуть не порвал собственные штаны, настолько в паху стало колом. Волк внутри зарычал, требуя ее присвоить или хотя бы переодеть.

— Это что такое? — все-таки рыкнул Теодрик.

— Что? — Ева непонимающе вскинула брови.

— Почему ты в мужской одежде?

Он моргнула, а затем посмотрела на него с вызовом.

— Это моя одежда. Знаешь ли, по лесу в платьях не набегаешься, когда ты единственный охотник в семье!

Тео едва прикусил язык, чтобы не напомнить ей, что она вполне успешно бегала по лесу в платье. Вместо этого заявил:

— Тебе больше не нужно охотиться. Теперь это буду делать я.

Видимо, зря, потому что Ева вмиг закрылась, помрачнела и посерьезнела. Сразу стало понятно: ничего хорошего не жди.

— Кстати, об этом, — сказала она, подходя ближе. — Как от этого избавиться?

— От чего?

— От истинности.

Теодрик сначала не поверил собственным ушам, а когда поверил, то... У альфы из груди вырвалось утробное рычание, оно принадлежало как волку, так и мужчине. Шутка ли, избавиться от истинности? самого дорогого дара богов! Того, о чем мечтает любой волк, еще будучи волчонком. А эта женщина желает разорвать божественную связь, разорвать и растоптать, как какой-то сорняк. Такого он стерпеть не мог. Ни стерпеть, ни понять.

Теодрик снова зарычал и шагнул к Еве, забыв про завтрак и даже ее неподобающую одежду. Видимо, он сейчас выглядел страшно, потому что девушка ойкнула и попятилась.

— Ты хочешь избавиться от истинности? — прорычал он, до конца не веря в это.

Ей хватило храбрости остановиться, не пятиться от хищника, но не ума, чтобы успокоить его. Вместо этого она выпятила грудь вперед, яростно сжала кулаки.

— Да, мне не нужен истинный. Мне не нужен ты. Не нужна это изматывающая жажда, вой на луну. Не нужно это превращение в непонятно кого...

— Почему же непонятно в кого? — ядовито перебил ее Тео. — Очень даже понятно в кого. Ты превращаешься в волчицу.

— Я. Не. Хочу. Превращаться в волчицу, — чеканя каждое слово ответила Ева. — Вот и спрашиваю, как это прекратить.

— Никак. — Тео почти добрался до нее, и теперь от того, чтобы не схватить ее за плечи и не начать трясти, пока ума не прибавится, его отделяла только выдержка, а еще знание, что перед ним истинная, которую нужно беречь и защищать. В том числе и от нее самой! — Никто до тебя не становился вервольфом. По крайней мере, я о таком не слышал. Люди всегда оставались людьми, а волки волками.

Ева нахмурилась, задумалась, закусила полную губу, а волк внутри взывал на этот раз от неудовлетворенного желания. Это истинная получила ночью сладкое, а Тео пришлось довольствоваться ледяной водой в речке. Иначе его тело горело, словно в огне, настолько ему хотелось познать свою пару. Сдержался, не присвоил, и вот благодарность.

— Хорошо, — выдала Ева после долгих размышлений, — с этим я могу смириться. Но мой вопрос был о другом.

— Если не хочешь, чтобы я тебя отшлепал так, что сидеть не сможешь, больше о таком не спрашивай! — снова взрычал альфа. — Истинность — самое ценное и самое желанное, что есть в жизни волка.

— Самое желанное? — зло рассмеялась девушка, тряхнув копной темных волос, связанных лентами в высокий хвост. — Изображать суку в течке — это единственное желание ваших женщин? Быть игрушкой, которой руководит зверь внутри, а не разум? Отдаваться вашей воле и вообще отдаваться каждую ночь, как выглядывает луна. Отвратительнее не придумаешь!

— Замолчи! Замолчи, а не иначе...

Она не испугалась, наоборот, безрассудно отважно шагнула к нему, ткнула пальцем в грудь.

— Иначе что? Выпорешь меня? Или бросишь на постель и сделаешь своей? Хотя, о чем это я? Какая постель, вот стол в самый раз!

Тео прикрыл глаза, сражаясь с собственными чувствами, бурлящими в нем. От ярости до желания, которые будили в нем истинная и влияние полной луны. Да, ночное светило сейчас не видно, днем его власть меньше, чем ночью, но он все равно чувствовал все острее, ярче.

— Не искушай меня, Ева, — прохрипел он сквозь сжатые зубы. — Не выводите из себя. Я не железный.

— Знаю, — яростно сверкая глазами, выдала истинная и добавила с горечью: — Прекрасно все помню. Поэтому и хочу избавиться от этих оков. Избавиться от тебя!

Альфа тоже прекрасно помнил историю их знакомства. О том, что творил с ней, не осознавая, что ему в лапы попало сокровище, а не простая девка. Но даже за простых девок теперь досада брала. Что поделаешь, если он тогда другим был? Утратившим истинную, семью, разбитым и разрушенным до самого основания. Злым, отчаявшимся, полным жажды мести. Сейчас же его враг повержен, а жажда мести утолена. Теперь его самый страшный враг — он сам, его прошлое. То, что он, ослепленный ненавистью, не заметил и учел. Сам же своими лапами и растоптал.

Доверие истинной.

Так что не на Еву ему сейчас нужно злиться. На себя.

Как только Теодрик это понял, его гнев поутих вместе с желанием отходить луну по ее соблазнительной заднице, как нашкодившего волчонка. Она не виновата в том, что ничего не знает, в том, что выводит из себя его зверя. Ева так привыкла, она защищается, нападая.

Осознает ли она, что уже ведет себя как волчица?

Альфа убрал с огня сковороду, бахнул ее на стол и ушел, бросив через плечо:

— Со смертью моей избавишься.

Глава 3

Ева

Со смертью моей избавишься.

Я ненавидела вервольфов. Настолько сильно ненавидела, что еще недавно желала всему альянсу долгой и мучительной смерти. Такой же судьбы, на которую они обрекали волчьих невест. Чтобы бесы вечно варили их в своих котлах! Альфа Теодрик не был исключением: меньше одной луны назад я бы пожелала ему того же. Но сейчас желать гибели тому, кто стерег твой сон, защищал тебя от хищников и от голода, не получалось. Если бы я сказала, что хочу, чтобы большой темный волк сдох, я бы солгала самой себе.

Я не желала ему смерти даже ценой собственной свободы. Это было нечестно, жестоко и неблагодарно. Этим путешествием, своей помощью зверь полностью искупил свою вину передо мной. Я так для себя решила. Но этот вовсе не означало, что я смирюсь со своим сказочным превращением в волчицу. Что мы перекинемся в зверей и радостно побежим выть на луну!

В голову сразу полезли воспоминания о том, как именно мы ночью «выли на луну», и у меня загорелись щеки. Сильнее, чем когда зверь увидел меня в штанах: от одного его взгляда стало жарко и захотелось переодеться. Всю свою одежду на себя напялить, чтобы не смотрел больше!

Выходило, что нужна ему не я сама, а та волчица, которая должна прийти после меня. В конце этого превращения. Я яростно потерла полоску шрама на собственной шее, будто она была свидетельством моего скорого обращения к дикой природе. Владыка окончательно отринет меня, а вместо него придут другие боги — *Предки*. Испугавшись своей мысли, я сложила пальцы в молитвенном жесте и прочитала своему единому богу короткую молитву. Чтобы сохранил, чтобы защитил, чтобы наставил на путь истинный...

Правда, на слове «истинный» я словно мысленно споткнулась и помотала головой. Никаких истинных! Я Теодрику не истинная, он ошибается, а если не ошибается, нужно найти способ, как разорвать эту связь без кровопролития и чьей-либо смерти.

Я найду способ остаться человеком. Должна найти!

Приободрившись, я даже с завтраком расправилась быстро и с удовольствием. Когда только волчий принц (а члены волчьего альянса были равны по статусу человеческим правителям) научился так вкусно готовить? Не в походах же? Я видела, у него для этого есть стая, которая выполнит любой каприз по первому требованию.

Где она только? Этим вопросом я мучилась недолго, просто не привыкла держать все в себе. Особенно, когда это касалось родной деревни. Что, если мы сюда зверей приведем, а здесь тетка Клара осталась?

— Где твоя стая? — поинтересовалась я, выходя на крыльцо.

Теодрик сидел на лавке и вновь неодобрительно покосился на меня. Смолчал и правильно сделал: в своей одежде я чувствовала себя как рыцарь в доспехах — в безопасности.

Думала, он не ответит, или скажет, что поскакал за истинной, потерял с ними связь, но его ответ меня неприятно удивил:

— В двух днях пути отсюда, но смогут бежать быстрее, если я прикажу.

— Прикажешь... отсюда?

— Я альфа, истинная. Я связан со своими волками.

— Не называй меня так больше! — разозлившись, приказала я.

— Что? — Он насмешливо приподнял бровь. — Решила убить меня? Насчет смерти я не шутил.

— Нет, я найду другой способ, — прорычала я.

Теодрик разом подобрался, одним плавным движением поднялся, нависая надо мной. Когда он так делал, хотелось убежать, но я и раньше перед ним не пасовала, сейчас — тем более.

— Какой?

— Пока не знаю, — я вскинула голову, чтобы смотреть ему в глаза, — но я обязательно выясню, как это сделать.

Зверь расслабился, наверняка решил, что ничего у меня не получится. Но мне было плевать, что он там решает, а пока...

— У меня есть имя — Ева. Называй меня или так, или никак иначе.

— Хорошо, Ева, — слишком легко согласился он.

Я кивнула, подозревая, что где-то здесь закрался подвох. Но пока мои подозрения не подтвердились, крыть было нечем.

— Скажи своей стае, чтобы не трогали тетушку Клару. И не пугали! Она старая женщина, пусть доживет свой век в мире и спокойствии. А лучше пусть обходят деревню стороной.

— Что значит «обходят»? — прищурился Теодрик. — Разве нас здесь не будет?

— Не знаю насчет нас, но меня здесь точно не будет. Я отправляюсь в крепость Крайтон. Искать свою семью.

Альфа уже не просто хмурится, сквозь человеческое просматриваются злые звериные черты.

— В крепость, в которую заказан путь вервольфам? — рычит он. — Тебе нельзя туда.

— Это тебе нельзя туда, — я смотрю зверю в глаза.

Это ему не нравится, а мне не нравится, что мы вообще спорим о том, что мне делать и куда идти. Я свободная женщина, человек. Больше не его рабыня. И, кажется, Теодрик об этом тоже вспоминает.

— Я не был там, но знаю, что они как-то вычисляют вервольфов и расправляются с ними.

— Повторяю: я тебя с собой не зову. Мне нужно к семье.

Я развернулась и скрылась в доме, тем самым поставив жирную точку в этом разговоре. Больше всего на свете я боялась, что Теодрик как-то меня остановит. Попросту схватит и запрет в доме. Или вообще потеряет свое терпение истинного и увезет с собой! Но когда я собрала все необходимые вещи в дорожную сумку и вернулась на крыльцо, на скамье аккуратной стопкой лежала одежда отца, еще хранящая тепло альфы. Руки сами собой потянулись к рубашке и штанам и запахнули ее в сумку. Потом уже, за калиткой, я подумала, что возможно зверь за мной не пойдет, но не возвращаться же, тем более не выкидывать добротную одежду, к тому же, память об отце.

С собой у меня лук и колчан со стрелами — старые и самые первые, с помощью которых я училась стрелять еще в детстве, новое оружие сгинуло благодаря Лиаму. Надеюсь, у богов вервольфов тоже есть Преисподняя, он обязательно должен туда попасть! В сумке вяленое мясо и сыр — самое то для путешествий, и еще кое-то по мелочи. Мелочи, кстати, нет, я проверила кирпич за печкой, где мама хранила деньги — уходя, они все забрали. А больше ничего и не возьмешь. Завтрак Теодрика мне понравился, но не сковороду же с собой тащить, пойдем налегке. Или пойду. Я не видела его с тех пор, как заявила о своих намерениях. В ботинке нож, и я чувствую себя не свободной охотницей, а уже какой-то бандиткой, способной расправиться с любой бандой в одиночку. Или не в одиночку.

Я прошагала всю деревню, заглянув лишь к тетке Кларе, но, как бы я ни пыталась убедить женщину пойти со мной, какие слова ни придумывала, она и на этот раз отказалась. К тому же заявила, что станет обузой в таком путешествии. Я это и сама понимала: в ее возрасте длинные прогулки в тягость, тут нужна телега. Но я искренне боялась, что волки, следующие за Теодриком, заглянут в деревню и ей навредят. С другой стороны, зачем им вредить одинокой старухе? Может, я думала так, чтобы самой остаться беленькой и чистенькой, чтобы совесть

моя была чиста перед этой старой женщиной, но оставаться в деревне и защищать тетку я не собиралась. Чувствовала, что должна найти родных. Сердцем чувствовала.

Это не мешало мне покидать деревню в растрепанных чувствах. В прошлый раз Лиам уводил меня отсюда под угрозами. Сейчас я уходила сама, но с беспокойным сердцем. Правда, ровно до того момента, как в лесу меня догнал большой волк.

«Моя стая присмотрит за ней», — раздалось в моих мыслях.

— За кем? — пожала я плечами.

«За твоей теткой!»

— Я этого не просила! — рыкнула я, но Теодрик больше со мной не общался.

Наше путешествие началось. Или, вернее будет сказать, продолжилось. Только сейчас, с оружием в руках, я чувствовала себя гораздо увереннее. Несмотря на мнение всяких лохматых. Впрочем, если на меня в штанах альфа по-прежнему косился неодобрительно, то лук со стрелами и нож в ботинке никак не прокомментировал. Словно это было для него чем-то привычным.

Еще одним различием между путешествием в деревню и путем в Крайтон было наличие дороги. Теперь нам не нужно было скакать по лесу: все-таки в мою хоть и маленькую деревню заглядывали торговцы, их тележки оставили следы от колес, создав тропинки, по которым было легко шагать. Не сказать, что сам путь сокращался, но совершенно точно облегчал само путешествие: по камням я теперь не прыгала и не царапалась о ветки деревьев.

Я чувствовала себя полной сил: покинув родную деревню задолго до полудня, я шагала до того времени, как солнце почти скатилось за сосновые верхушки. Не останавливалась ни на минуту. Чем быстрее доберусь до Крайтона, тем лучше, а до него целых три дня пути. Учитывая, что утро я потратила на споры с Теодриком и уговоры тетки Клары, то уже четыре.

Тетка напоследок вручила мне несколько монет.

— Это все, что у меня осталось. Было бы еще, отдала бы тебе.

Я собиралась отказаться, но Клара меня строго перебила:

— Мне они ни к чему, Евушка. Торговцы сюда больше не ходят. А тебе пригодятся: может, за постель на постоялом дворе хватит. Твой зверь, поди, может спать на снегу или старой листве, а тебе следует помнить, что ты человек, да еще нежная дева.

— Да какая из меня нежная дева? — возмутилась я.

— А такая! — передразнила меня старушка. — То, что ты место отца и защитника для своей семьи заняла, не означает, что хрупкой девой перестала быть. Ты этого не видишь, а другие видят, — она загадочно кивнула куда-то в сторону леса.

— Если вы про вервольфа...

— Да если бы только про него! — перебила меня тетка Клара. — С ним как раз все понятно, если до сих пор не обидел, то не обидит впредь. А вот другие...

Я не стала ее переубеждать и рассказывать нашу с Теодриком историю обид. Но мысль про нежных дев прочно засела в моей голове, как ни прогоняй.

— Тебе, наверное, не нравится мое оружие, — прервала я наше с альфой молчание.

Сейчас волк брел рядом со мной, шаг в шаг.

«Почему же? Нравится, — прошелестело в моей голове, удивив меня. — Так ты даже больше напоминаешь волчицу. Наши женщины равны нам, они умеют защищаться и постоять за себя. Пока ты не получила волчью ипостась, острые клыки и когти, мне спокойнее, когда у тебя есть стрелы и нож».

Я посмотрела на него потрясенно, разве что рот не открыла.

— То есть, ты меня больше защищать не собираешься?

Не собиралась я это говорить, оно само вырвалось, а зверь лишь хмыкнул:

«Я сберегу тебя от любой напасти, но если тебе спокойнее с ножом ходить, то почему бы и нет. Носи на здоровье».

Еще и желтыми глазами сверкнул лукаво: смеялся надо мной.
Вот же самоуверенная мохнатая скотина!

— Мне они пригодятся на территории людей, — бросила я в отместку. — Буду ночевать на постоялом дворе.

«Ты прекрасно ночевала в лесу», — недовольно рыкнул вервольф.

— Ты прав, ночевала. Потому что у меня не было выбора! А теперь он есть, мягкая постель всяко лучше сырой земли. Я поняла это прошлой ночью.

«А еще ты поняла, что не хочешь подчиняться силе полной луны!»

Я даже споткнулась о внезапно возникший на моем пути камень. Расшибла бы себе нос, если бы волк не метнулся в сторону и не боднул своим массивным лбом, возвращая мне равновесие.

— Ты меня что, упрекаешь? В том, что я человек? В том, что хочу спать на матрасе, а не в лесу? За закрытой дверью! Не волноваться по всяким поводам. Я тебе не какое-нибудь животное!

«Женщина, согласишься стать моей, и тебе никогда не придется спать ни в лесу, ни на грязных простынях человеческих постоянных дворов!»

— И где я, по-твоему, буду спать?

«На мягкой перине».

— Ну да, конечно, — фыркнула я, — ты мне еще дворец пообещай.

«Вервольфы не живут во дворцах и крепостях, но и ты в них не жила».

Мне обожгло щеки стыдом. Значит, вельможа волчий нашелся. Недостойна я дворцов! Так пусть в своем лесу и ночует, раз так любит природу!

Я так разозлилась, что до развилки, перетекающей в дорогу побольше, добежала раза два быстрее. Добежала и остановилась. Потому что еще никогда в жизни не ходила дальше этой развилки. Последний раз, когда провожала отца и жениха, присоединяющихся к дорнанской армии. Человеческой, как нам тогда с мамой казалось.

Теодрик оказался прав: я никогда не была в Крайтонской крепости, только слышала о ней. То, что она большая. Очень большая.

Получится ли у меня отыскать маму и сестер?

«Мы всегда можем повернуть назад», — волк подкрался незаметно и понял мою нерешительность по-своему. Он полмира обошел, что ему до моих переживаний и страхов, что я снова оставляю дом за спиной без надежды на возвращение.

— Нет, — отрезала и пошла вперед, не оглядываясь. На этот раз по собственной воле.

Ничего страшного. Однажды я вернулась домой, вернусь вновь.

До постоянного двора мы добрались после заката. Небольшой домик с добротной черепичной крышей приветливо «подмигивал» ярким светом из окон, из трубы валил густой белый дым, будто кто-то пыхтел трубкой, до моего носа доносился потрясающий запах мясной похлебки, а до ушей — голоса.

Я устала безумно и нуждалась лишь в теплом ужине и комнате. Тем более что деньги у меня были. И вроде ничего сложного: войти, заплатить и выспаться. Но когда я сделала шаг к домику, рядом вместо привычного волка возник обнаженный Теодрик.

Я метнулась обратно за кусты, из-за которых только что вышла. Даже не знаю, чего больше испугалась: того, что кто-то сейчас выйдет на крыльцо и заметит меня рядом с голым мужчиной, или поймет, что Теодрик — вервольф?

— Ты что творишь? — зашипела я на него.

— Как — что? — оскалился он, явно развлекаясь. — Ночую с тобой на постоялом дворе.

— Перекинься в волка и спи в лесу! — Если можно было рычать шепотом, то именно это я сейчас делала. При этом стараясь смотреть Теодрику в лицо, а не ниже. Ниже там все было... в боевой готовности.

– После того, как ты так красиво описывала преимущество матрасов? Ни за что! А если серьезно, – его глаза изменились до звериных и сверкнули желтым, – я не оставлю тебя без присмотра, Ева. Ты моя истинная.

– И как ты собираешься туда войти? Просто появиться там и сказать, что ты зверь? Или угрожать простым людям?

– Это не обязательно, я могу сойти за человека, если ты сама не расскажешь о моей тайне. Он остался серьезным, поэтому я так и не поняла, шутит он на этот раз или нет.

– Ты голый!

– У тебя есть для меня одежда, – он кивнул на сумку.

– Но нет обуви.

– Это не проблема.

– А что для тебя проблема?

– То, что тебя не заботит собственная безопасность, – он сложил руки на груди, я отвлеклась и чуть не опустила взгляд вниз.

Что я там говорила про то, что он меня пугает в обличье мужчины? Сейчас мои чувства были чем угодно, но только не страхом. Проклятая луна!

– Сиди в кустах, присматривай за мной оттуда, – отмахнулась я, обходя его и топая ко входу в дом, на первом этаже которого, судя по аромату и оживлению даже с наступлением ночи, располагалась таверна.

– Нет, моя луна, мы либо вместе ночуем в кустах, либо вместе изображаем людей. Теперь мы всегда вместе.

– Тогда выкручивайся сам! – Я бросила ему свою сумку. – Но если ты будешь угрожать этим милым людям, я тебя никогда не прощу!

Уже на крыльце я задумалась, зачем Теодрику вообще нужно мое прощение, он так заигрался в этих истинных, что я, кажется, сама поверила, что теперь важна ему. И могу – что? Высказывать свое мнение, которое будет учитываться? На деле же это не работает: я хочу побыть одна, избавиться от него, а он делает, как хочется ему!

Это было первой мыслью, второй... То, что насчет милых людей в таверне я погорячилась.

Не знаю, на что я рассчитывала. Наверное, на то, что кроме нас и владельца постоянного двора внутри никого не будет. А может, люди, сидящие за крепкими деревянными столами, после моего путешествия домой по лесу показались мне настоящей толпой. Я быстро насчитала дюжину человек. За ближайшим столом сидели мужики, крепкие и с веселыми лицами. Сразу видно, сюда пришли пропустить по чарке. У стены расположилась компания поменьше: мрачные, укутанные с головы до пят, так что лиц не различишь, путники. Завершали картину седой старик за баром и таскающая подносы с едой и выпивкой дородная рыжая девица.

Думала остаться незамеченной, но все разом уставились в мою сторону: старик подозрительно, мужики справа оценивающе, путники скользнули взглядом по луку, девица — как-то завистливо-ревниво. Впрочем, в следующий миг, она охнула и чуть не опрокинула с бара поднос. Мне и оборачиваться не понадобилось, чтобы понять: следом вошел Теодрик. Я его почувствовала кожей, и это было так остро, что я глупо, по-ребячески сделала вид, что мы не вместе и вообще не знакомы. Быстро шагнула в сторону, заняв единственный свободный стол. Как будто зверя это когда-либо останавливало: чем быстрее я от него бегала, тем скорее он меня настигал. Но в этот раз он за мной не пошел, шагнул к бару, что-то тихо прошептал старику, а затем выложил на стойку... Я не успела заметить что, да он и все своей широкой спиной закрыл, не рассмотришь. Старик же на слова вервольфа быстро закивал.

Я разочарованно цокнула языком, но вервольф уже повернулся, намереваясь меня догнать. Один из поднявшихся мужиков ему этого не позволил, преградил дорогу.

— Зверь?

Мужик был хоть и рослый, но все равно на голову ниже альфы. Я видела вервольфов на поле боя, поэтому, когда Теодрик нахмурился, испугалась за человека. Испугалась, что сейчас прольется кровь. Особенно, когда альфу почти сразу раскрыли.

Но морщинка на лбу вервольфа медленно разгладилась, а сам он искренне рассмеялся.

— Владыка с тобой, мужик! Я человек, и всегда им был. Ростом в отца пошел, а шириной плеч обязан армии.

Теодрик сверкнул белозубой улыбкой, и толстая прислужница томно вздохнула. Люди в таверне заметно расслабились, пусть даже не все.

— Дезертир? — поинтересовался путник за вторым столом. — Из армии генерала Дорсана.

— Снова не угадали, — при упоминании злейшего врага и бровью не повел Теодрик. — Больше нет никакой армии. Генерал мертв, вступил в битву с альянсом, выиграл, но сам героически сгинул.

— Ты откуда знаешь? — подскочил другой мужик, и столько живого интереса заискрило в его взгляде, что им можно было осветить весь постоянный двор.

— Так я там был, — признался Теодрик. Я могла только мысленно открывать рот, удивляясь тому, как складно и нагло у него получалось врать. — Все видел своими глазами. Пока не прилетело по голове. Это меня и спасло. Звери приняли за труп, очнулся я, когда все закончилось. Теперь вот держу путь домой, в Крайтон.

Мужиков это впечатлило, а вот заинтересованный путник, кажется, не поверил ни слову лжечеловека.

— А почему без сапог?

— Это самое банальное, — усмехнулся Теодрик. — По пути сюда меня ограбили, полностью лишили одежды. Эта добрая девушка решила меня пожалеть, отдала рубаху отца.

— Небось взамен обещал жениться, — зашептал один из мужиков, но так как был уже подвыпившим, все равно получилось громко, на всю таверну.

Я даже поперхнулась от такого предположения.

— Да я бы сам женился, — грустно вздохнул Теодрик, — люблю воинственных женщин. Но ей нужна от меня другая услуга.

Мужики противно захохотали и засвистели, а я, если бы могла прожечь взглядом дырку в груди ненавистного вервольфа, прожгла бы. Потому что какую услугу мне должен оказать, он не уточнил. Зато от души пнула его в колено, когда он расположился на стуле напротив меня. Даже не поморщился гад!

— А кто-то может подтвердить вашу историю? — не унимался путник. — Кроме вашей неожиданной спутницы.

— Я подтверждаю, — проскрипел старик за баром, подняв зажатую в руке большую монету с трилистником — символом дорсанской армии, — выпивка ветерану войны с альянсом за счет заведения!

Прислужница тут же притащила нам бокалы с пивом и огромные плоские тарелки с горячей мясной похлебкой и печеным картофелем. Я уже совершенно ничего не понимала, кроме того, что надо расспрашивать зверя обо всем заранее. Например, о его планах. На мой же вопросительный взгляд Теодрик посмотрел на меня с вызовом: мол, осмелюсь сейчас меня спросить. Конечно, я не собиралась ничего спрашивать здесь, когда даже шепот можно подслушать. Разделалась с едой в два счета, почти не чувствуя вкуса, и выложила на стол пару монет.

— Этого достаточно за меня и моего спутника? — уточнила я у прислужницы.

— Какие деньги с защитника Крайтона? — возмущенно проскрипел старик, но тут же добавил: — Правда, если хотите комнату побольше, придется доплатить.

— Две комнаты, — я добавила еще несколько монет, весом подороже. Владелец постоянного двора, заметив серебро, довольно крикнул и велел идти за ним на второй этаж.

Теодрик поднялся следом, но на этот раз дорогу ему преградила рыжая. Учитывая ее размеры, там было чем преградить. Поэтому вервольф от меня отстал.

— Учти, у меня тут нормальный постоялый двор, а не бордель, — сообщил старик уже в коридоре второго этажа. — Если захочешь развлечься или кто-то решит развлечься с тобой, громко не ори. Разбудишь других.

Да, не такого я ожидала от мира людей. Сначала разочарование в Дорсане и Рине, теперь в обычных обывателях, которых я впервые вижу.

Старик толкнул последнюю дверь по коридору и пожелал мне добрых снов. Я хотела спросить, где будет ночевать мой спутник, но после замечания про бордель решила не рисковать. Обо мне и так уже много всего надумали. Поэтому просто заперлась на хлипкий засов и решила, что буду спать с луком в постели.

Освещения в комнате не было, только огарок одинокой свечи на табурете, но луна светила так ярко, что я прекрасно смогла рассмотреть узкую койку возле стены. М-да, кажется, келья в монастыре, в которой меня держал Лиам, и то была больше. Но я тут же себя одернула: я хотела человеческую постель — вот она!

Стащив ботинки, плотно сдавливающие ноги, и колчан со стрелами, я довольно вздохнула и упала на кровать прямо в одежде. От усталости задремала сразу, а проснулась от того, что кто-то сел рядом на постель.

Инстинкты сработали сразу, я с силой пнула позднего визитера, но меня тут же поймали за ногу, встряхнули и втащили к себе на колени. Я тут же поймала горящий в ночи желтый звериный взгляд.

— Две комнаты, истинная? Как я, по-твоему, должен тебя защищать, если ты делаешь все, чтобы избежать моего присутствия рядом?

Визуал: Тео и Ева

Глава 4

— Пусти! — хрипло, со сна зашипела я.

Попыталась вырваться, но куда мне: зверь схватил меня и притянул к себе. А у меня мороз по спине прокатился, когда я поняла, что ему ничего не стоит повторить все снова. То, что я пережила по его милости, будучи волчьей невестой. Бросить меня на эту узкую койку, содрать с меня штаны и заставить принимать его в любой позе, в которую ему захочется меня поставить. И самое ужасное, что я приму, соглашусь на все это, прикушу губу и даже не стану кричать, как сказал хозяин постоялого двора. Не потому что он так сказал, конечно же, а потому что во мне теперь бурлит кровь вервольфов. Потому что для волчицы, в которую я превращаюсь, это не насилие, а радость ласки истинного. Тупое животное!

Мне так страшно и обидно стало, что вместо того, чтобы съездить Теодрику по морде, я по-женски заколотила кулаками по массивной мужской груди.

— Ты обещал, что не тронешь меня! — шипела я. — Что больше не будешь ни к чему меня склонять!

Кажется, я все-таки прикусила губу. Прикусила и прокусила до крови, потому что почувствовала металлический вкус на языке.

Альфа встряхнул меня хорошенько и заставил смотреть ему в глаза, которые сейчас горели едва скрытой яростью.

— Я разве тронул тебя, Ева? — тихо и опасно-спокойно поинтересовался он. — Разве заставил делать что-то помимо твоей воли?

— Ты удержишь меня на коленях! — возмутилась я, чувствуя, как опалило жаром щеки. — А еще упираешься мне в ягодицы... тем, чем упираешься! Что я должна думать?

— Да ты вообще не думаешь, женщина! — рыкнул он. — Внизу множество мужиков, и только слепой не оценил твои ягодицы. Не проводил тебя взглядом, когда ты поднималась по лестнице в этих штанах. У каждого хрен стал колом, стоило тебе похлопать своими прекрасными глазками и вильнуть сладкой задницей...

— Хватит, — взмолилась я, прикрывая уши ладонями. — Я больше не желаю слушать эту похабщину. Тебя послушать, так я могу вскружить голову всем и каждому. Но это не так! До встречи с вами, вервольфами, на меня вообще никто не смотрел. Я слишком высокая, слишком грубая, и кожа у меня не белая, отмеченная солнцем. Даже жених от меня сбежал, как представилась такая возможность!

То, что я зря вспомнила Нико, поняла, когда Теодрик выплюнул:

— Жених?

— Тебе какое дело? — разозлилась я на саму себя. Потому что в груди снова всколыхнулся страх, но я никогда не боялась этого зверя, и сейчас не стану.

— Потому что я твой жених, Ева. По волчьим законам — муж. Ты принадлежишь мне и только мне.

— Я никому не принадлежу!

Я оказалась на постели раньше, чем успела охнуть. Теодрик все же навис надо мной, большой и опасный. Я животом ощутила его желание овладеть мной, чего он не делал очень давно. Но, что самое ужасное, эта опасность, ощущение мужской плоти, вжатой в мои бедра, раскрылись во мне звериным жаром. В свете луны я увидела его лицо, желтые звериные глаза, и, прежде чем успела себя остановить, подалась вперед, обхватила его за шею и с диким утробным рычанием врезалась в его губы. Целуя, кусая, сжимая пальцы на массивной мужской шее.

Я теперь будто сама себе не принадлежала, потому что во мне проявилась другая Ева. Та, которая хотела воплотить и попробовать все, о чем я только думала. Только если я думала об

этом со страхом и отвращением, она мечтала об этом, вся намокла, представляя, как ее волк сорвет с нее штаны, перевернет ее на живот и возьмет как... волчицу.

Я, едва не плача, заставила себя оторваться от альфы, от того, как сама покрывала поцелуями-укусами его лицо и шею. От того, как сама сжимала его каменное естество сквозь ткань штанов.

— Нет, пожалуйста, — всхлипнула я, — не заставляй меня.

— Я не заставляю тебя, — прорычал Теодрик, когда я полезла к нему в штаны.

— Я не тебе! Я этой мохнатой зар-разе, котор-рая упр-р-равляет мной!

Я не знаю, откуда во мне взялось столько сил, но я сначала толкнула альфу, а затем опрокинула его на постель, тем самым поменяв нас местами. Койка пронзительно скрипнула, но выдержала. Чего нельзя сказать обо мне: я просто не могла сдерживаться. Гладила вервольфа, по-звериному нюхала, разве что не облизывала.

— Это волчьи инстинкты, на них влияет луна.

— Как это остановить? — Я посмотрела на него умоляюще. — Как мне остановиться?

Теодрик не позволил мне стянуть с него штаны, перехватил за руки и подтянул меня наверх.

— Подчинить собственного зверя, — ответил он мне в губы. — Управлять им, не позволять управлять ему. Ты со своей волчицей заодно.

— Сейчас мы хотим разного!

— Разве? — шепнул он. — Разве ты не думала о том, чтобы я сделал тебя своей прямо на этой койке? Взял сзади. Взял, даже не раздевая. Быстро, страстно, не заботясь о твоём желании.

Я посмотрела на него ошалело.

— Откуда?..

— Ты слишком громко думаешь, Ева. Слишком громко и откровенно.

— Это не я!

— А что, если ты? Что, если это ты меня хочешь? Зачем ты сопротивляешься, луна? Зачем мучаешь нас? Нас и наших волков.

— Потому что я контролирую себя. Потому что я человек.

— А разве люди умеют себя контролировать? — оскалился он. — Не встречал ни одного. Обычно они те еще звери.

Я зарычала и сорвалась. Набросилась на него, желая ударить, сделать больно. Укусить, поцарапать, украсить физиономию следами когтей и зубов. Не знаю, кто мной больше руководил: Ева-человек или волчица, но я собиралась до него добраться. Особенно когда Теодрик перестал меня удерживать: он отпустил руки и позволил мне делать все, что я захочу. А я вместо того, чтобы оттолкнуть, оседлала его.

Мое тело горело, словно в огне. Словно я очутилась в костре, пламя которого сделало меня всю настолько чувствительной, что каждое прикосновение даже сквозь тонкую ткань ощущалось остро, как ожог. Я клеймила его, пока задирала рубашку, клеймила себя, когда касалась его руками и губами. Тео меня не останавливал: то ли сдался под моим же напором, то ли решил мне показать и доказать, что люди хуже вервольфов. Моей человеческой части хотелось думать, что второе, волчице — что ее волк теперь в ее власти и его можно дразнить. С ним можно играть.

Впрочем, она не особо церемонилась, эта наглая сучка, ей хотелось ощутить его внутри себя, сжать его могучий ствол. Поэтому она торопилась... Или это я торопилась, насаживаясь на альфу.

Боль отрезвила: было больно почти так же, как в первый раз. Ощущение было, что его естество сейчас разорвет меня на части. Я всхлипнула и дернулась, чтобы привстать. Теодрик не позволил отодвинуться, только приподнял меня за талию, заставив откинуться назад.

— Глупая луна, — пробормотал он, покидая мое тело, а затем снова входя в меня, но на этот раз нежнее и осторожнее. — Ты воюешь со мной, считая нашу связь наказанием. Но на самом деле она способна стать самым сладким удовольствием. Говоришь: «не хочу», но все равно приходишь ко мне, кусаешься, чтобы я укусил в ответ.

Он насадил меня на себя, наклонил вперед и поймал губами сосок. Укусил, зализал, и я задохнулась от смены ощущений. Пока хватала губами резко ставший холодным воздух, Теодрик принялся размеренно, в ему одному известном ритме толкаться в меня, то покидая мое нутро, то заполняя до отказа.

— Ты воюешь со своим единственным преданным союзником. Как ты не поймешь, Ева? Мы с тобой навсегда связаны. Тебе не надо мне ничего доказывать. Не надо сомневаться во мне. Я уже целиком твой, а ты моя.

Мир перед моими глазами подернулся желтой дымкой, чувства обострились, и мне хотелось еще и еще. Этой греховной сладкой боли. Этого звериного наслаждения. Особенно, когда он снова приподнял меня и сменил угол. Теперь его мужское орудие задевало во мне ту самую заветную точку, заставляя кусать губы, только чтобы сдерживать уже даже не стоны — крики. От ленивой размеренности не осталось и следа, он вонзался в меня, вышибая искры в моем теле. Но все было иначе, чем в прошлый раз. Я будто чувствовала все по-другому.

По-звериному.

Он врезался в меня очередной раз, и я закричала-зарычала, чувствуя, как все внутри меня сжимается и пульсирует, а перед глазами уже не желтая дымка, а черная. Мое тело мягкое и податливое, и альфа пользуется этим. Потому что мы вновь меняемся местами, а затем он переворачивает меня на живот, приподнимая за ягодицы, и приставляет естество к моему горящему, влажному входу. Толчок — и он снова присваивает меня себе, я же утыкаюсь лицом в тонкую, неудобную подушку, чтобы никто не слышал моих криков.

Теодрик вонзается в меня и не забывает гладить тело, теперь он меня клеймит, я чувствую его руки везде: на своей груди, спине, бедрах, между моих ног, когда он оглаживает меня снаружи и таранит изнутри. Я задыхаюсь от этих прикосновений, от того, как внизу живота раскрывается яркий цветок наслаждения. Животного, дикого, острого.

Я вскрикиваю на пике, и альфа вонзается зубами в мое обнаженное плечо: тунику я где-то потеряла, или ее с меня стянули. Меня всю повторно скручивает от желанной судороги. Мне сладко и больно одновременно. Я сжимаюсь, делая наше слияние еще более сильным, и он рычит в ответ.

А после подхватывает, не позволяя упасть на простыни. Ложится на постель, меня же укладывает на себя сверху. Я без сил, мои глаза слипаются, и в данную минуту я с трудом понимаю, где я и что мне нужно делать. Как и в прошлую ночь, я просто проваливаюсь во тьму, напоследок выхватив его слова, которые впечатываются в мой разум:

— В одном ты права, моя истинная, люди так не чувствуют.

Глава 5

Утро я благополучно просыпаю. Привыкшая вставать с рассветом, я разлепила глаза, когда солнце вовсю заглядывало в маленькое окно. То ли дело было в произошедшем ночью, то ли я просто дорвалась до постели с подушкой. В прошлом после таких ночей тело слегка ломило, я чувствовала усталость. Сегодня же ничего подобного не было: во мне появилось столько бодрости и сил, что я готова была прошагать двое суток без остановки. До самого Крайтона дошла бы!

Теодрика в комнате не было, но я обнаружила его в таверне на первом этаже. Он где-то разжился плащом и сапогами, а перед ним стоял роскошный завтрак: колбасы, сыр, яйца, ломти хлеба с маслом. Вокруг альфы вилась рыжая служанка: то новую тарелку притащит, то стол протрет. Теодрику она улыбалась, а вот на меня бросила недовольный взгляд.

— Кто-то собирался меня защищать, — напомнила я об открытой двери в мою комнату.

— Все гости постоялого двора уехали еще три часа назад, — хмыкнул альфа. — Мы единственные здесь задержались.

— А ты времени не терял, — поддела его я, кивая на стол. Служанка как раз перестала крутить рядом с ним задницей и убежала за молоком. — Кто за все это будет платить?

— Я уже заплатил, — удивил меня Теодрик.

— Чем? Натурой?

Мой сарказм вызвал у вервольфа искренний смех. Кажется, он я рассмешила его до слез, хотя ничего смешного в этом не видела.

— Рад, что ты высоко оцениваешь мои таланты в постели, — сообщил он мне, пока служанка не слышала, — но они только для единственной женщины. Так что не ревнуй, истинная. Я смотрю лишь на тебя.

— Не называй меня так, если хочешь дальше изображать из себя человека, — процедила я, чувствуя, как горят мои щеки. Слишком интимным шепотом было сказано его признание. Чтобы справиться со смущением, я опустила на соседний стул и стянула с его тарелки ломоть хлеба, щедро намазанный маслом. Иногда лучше жевать, чем разглагольствовать. И чуть не подавилась, когда альфа со мной согласился.

— Ты права, для твоей же безопасности мне лучше продолжать играть эту роль.

— Ты хотел сказать, для твоей. Это ты у нас серый волк, который залез на территорию овец. Я по-прежнему человек, с меня все взятки гладки.

— Ошибаешься, Ева. — Ну хоть здесь мы снова начали спорить, а то страшно становится, когда начинаем сходиться во мнениях! — Сама видела, насколько люди умеют быть жестокими. В своей ненависти к моему племени они зачастую слепы. Если кто-то узнает, что ты мне помогаешь и кем ты была, разбираться не станут, объявят виновной. Стадо овец может и волка затоптать.

— Значит, твое присутствие рядом со мной угрожает моей жизни? — уточнила я с энтузиазмом. Может, здесь он признает, что нам пора пойти разными дорогами.

— Самая большая угроза — твоя тайна, Ева, — альфа вмиг стал серьезным. — Я бы на твоём месте держался подальше от людей и тем более от большого города. Но если для тебя это важно, отныне я стану путешествовать инкогнито. Как человек.

Рыжая служанка вернулась, и мы прекратили наш разговор. Прекратили, но не закончили. Между нами было еще много всего. Например, то что произошло сегодня ночью. Но об этом говорить я не собиралась вовсе. Слишком откровенной была наша близость, а еще при всем желании не получалось обвинить в ней Теодрика. Спихнуть все на него и выставить себя жертвой. В отличие от похотливой волчицы, которая отныне существовала в моей голове, у него с самоконтролем все было в порядке. Но даже бросать ему в лицо обвинения в этом не

хотелось. Я хотела его: из-за луны или из-за чего-то еще, но хотела, и всем сердцем надеялась, что после воссоединения с моей семьей это пройдет. И после полнолуния это пройдет.

Кажется, моя зверюга насытилась своим волком, потому что следующая ночь на новом постоялом дворе прошла спокойно, и я узнала, чем расплачивается Теодрик. Как я подозревала, натурой, но вовсе не в чувственном смысле. Он охотился в лесу и приносил свою добычу. Со следами ножа или стрел. Я позволила ему воспользоваться своим луком: чем ближе мы подходили к крепости, тем опаснее становилось. Монета с трилистником открывала для нас двери любой придорожной гостиницы, к третьему дню альфа успел приодеться и сошел бы за настоящего воина, возвращающегося домой. Но меня не оставляло чувство тревоги, предчувствие надвигающейся беды. И оно лишь усилилось, когда мы подошли к главным воротам Крайтона.

Город окружал ров, поросший мхом, только на его дне виднелась мутная лужа, которую даже я в прыжке перепрыгну. Но желающих так рисковать не находилось, потому что со внутренней стороны из земли торчали острые копыя и колья. Поэтому единственной, по крайней мере, известной всем дорогой был мост, ведущий к главным воротам. По нему двигались как торговцы на телегах или стражники на лошадях, так и пешие путники, как мы. Теодрик предлагал купить мне лошадь, но я подумала, что она привлечет к нам лишнее внимание.

Сейчас же даже немного жалела: всадников пропускали без очереди, а вот всем остальным приходилось двигаться со скоростью улитки.

— Да что же так долго? — со стоном поинтересовался тучный купец. — В прошлом году здесь такого не было!

— Так это в прошлом году! — отозвалась сидевшая на козлах другой телеги бойкая старуха. — А в этом они для всех проверку устроили.

— Проверку?

Я успела пихнуть Теодрика локтем в бок, но его это не остановило.

— Много зверья нынче лезет в крепость, — прокаркала старуха, — вот и перестраховываются. Проверяют, человек ты или нет.

— Каким же образом, госпожа? — поинтересовался альфа, искренне изображая изумление. — Разве существуют такие способы? Звери, они ни серебра не боятся, ни святой воды.

Я ему даже на ногу наступила, чтобы перестал привлекать внимание, но куда там!

— Святой воды, может, и нет, — прищурила один глаз старуха, — но и на них есть своя отравка. Если человек выпьет, то ему ничего, а если же зверь, то оборотится он вмиг.

К сожалению, времени на долгие размышления у меня не было: мы уже были на мосту, почти в паре шагов от проверяющих на принадлежность к волчьему племени. Ладно, насчет пары шагов, возможно, я и ошибалась, но в остальном...

Недолго думая, я повисла на Теодрике и громко заявила:

— Ох, что-то мне дурно!

Для достоверности еще и закатила глаза. На самом деле мне даже не требовалось играть, как представила, что альфу рассекретят на входе в крепость, так волоски на коже встали дыбом, а сердце яростно заколотилось в груди.

— Что это с ней? — брезгливо поинтересовалась старуха. — Случайно, не чумная?

— Так жара сегодня невероятная, — объяснил за меня Теодрик, бережно прижимая к груди. — Любому может поплохеть.

— Знаем мы таких, которым все время плохее! — отозвался мужик перед нами. — Вперед без очереди не пропущу!

— Так пропустите назад, — приказал альфа, подхватывая меня на руки. Мне бы начать отбиваться от его произвола, но это бы только подтвердило, что мы мошенники, желающие обмануть всю очередь. Поэтому я изобраила ветошь и со стоном повисла в его объятиях.

Легко лавируя между телег и идущих по мосту, Теодрик пошел против человеческого потока. Оказалось, что мы продвинулись не так далеко, даже до середины не дошли, поэтому

спустя несколько минут альфа вынес меня прочь. Только когда мы снова оказались в лесу, подальше от главного тракта, поставил меня на ноги.

— Хорошо придумала, Ева, — похвалил меня он. — Я сам хотел предложить нечто подобное.

— То есть ты даже на секунду не предположил, что мне действительно стало плохо? — обиженно бросила я, сложив руки на груди.

— Ты теперь волчица, поэтому к духоте не столь чувствительна. Но по этой причине тебе нельзя проходить те ворота! — Он указал туда, откуда мы только что пришли.

— Это тебе нельзя проходить через те ворота! Пусть на мне как на собаке все заживает, я в зверя не превращаюсь, а ты — да! Что это вообще за зелье такое?

— Понятия не имею, — нахмурился Теодрик. — Это меня и беспокоит. Что еще люди придумали, охотясь на вервольфов?

— Они не охотятся, а защищают свою крепость! Это жест отчаяния.

— Дорсан тоже отчаялся, когда убивал волков? — сверкнул звериной яростью во взгляде альфа. — Что, думаешь, они делают с вервольфами, которые не проходят проверку на воротах? Отправляют на перевоспитание?

Нет, подсказал разум. Никуда они их не отправляют. Я была не настолько наивна, чтобы в это верить. Никогда не была. Но еще недавно я не видела в этом ничего ужасного, в смерти наших врагов. Они же тоже убивали людей. Человеческая армия представлялась мне паладинами во имя добра, небесными стражами Владыки, несущими знамя справедливого возмездия. Побывав на фронте, я поняла, что война — это кровь и разрушения. Это смерть. И никакая убежденность, уверенность в своей правоте или религия не способны оправдать насилие и убийство.

— Нет, — тихо ответила я. — Поэтому мы здесь, а не в очереди.

— Постой, — протянул вервольф. — Так ты за меня испугалась, не за себя? Приятно.

— Что приятного-то? Кажется, волчица на меня действует даже днем и без луны!

Он криво усмехнулся и покачал головой.

— Это все неважно. Дорога туда нам заказана.

— Тебе заказана, — уточнила я. — А я могу пройти и отыскать своих родных.

— Или не сможешь, — помрачнел альфа. — Мы не знаем, что это за зелье, Ева. Может, это просто байка, чтобы отпугнуть вервольфов от Крайтона. Потому что я о таком не слышал.

— Зачем вервольфам вообще в крепость, если альфы передрались друг с другом? Альянса тринадцати больше нет!

— Хороший вопрос. Альянс хотел поработить все людское племя. Альфы погибли, но остались их стаи.

— Ты тоже был частью Альянса, — мстительно напомнила я.

— У меня была другая цель, — не повелся на колкость Теодрик. — Рабы меня не интересовали.

Я посмотрела на него с прищуром, и альфа тяжело вздохнул:

— Я не горжусь своим прошлым, Ева. И в то же время я не могу его изменить, а настоящее — могу. Поэтому мы вернемся в твою деревню, встретим мою стаю, а затем отправимся на восток, оттуда же двинемся на юг, в мои земли...

— Ты меня плохо слушал? — поинтересовалась я потрясенно. Он тут уж все распланировал, а меня спросить почему-то забыл. — Я без своей семьи не уйду. Тем более зная, что бесконтрольная свора вервольфов двинется на последнюю крепость, чтобы сделать моих родных бесправными. Или ты хочешь, чтобы мою семью постигла та же участь, что постигла твою?

Теодрик

Тео всегда считал, что у него отменная выдержка, но Ева каждый день и каждый час продолжала испытывать ее на прочность, и разбивала его уверенность в своем спокойствии на осколки. Причем она всякий раз находила, куда ударить побольнее. Например, с его семьей, которую он не смог уберечь. Жена и сынишка погибли, сгорели заживо во время нападения человеческой армии. Это было страшно. Это было больно.

Теодрик буквально почувствовал, что в этот момент у него проявились звериные черты: глаза гневно сверкнули, по скулам прошла волна трансформации. Ева даже отшатнулась, очевидно, решив, что он собрался перекидываться в волка. Но альфа лишь крепко сжал зубы и взял чувства под контроль.

Именно напоминание о том, что случилось с его родными, привело в чувство. Потому что волчьи боги дали ему второй шанс с этой острой на язык человеческой женщиной. Не уберезет ее, снова останется без души и сердца. Альфа успел побывать за чертой, когда вроде живешь, но ищешь смерти. Он много дел тогда натворил, вредный нрав истинной — не самая страшная кара за его проступки. Стерпит. Но вот сесть ей себе на шею не позволит. Капризы хороши до поры до времени.

— Теперь ты моя семья, Ева. Об этом мы тоже говорили. Мы либо идем назад, либо я тебя несу на плече. Выбирай.

— А как же моя свобода? — прорычала она ему в лицо. — Как же твои обещания больше не делать ничего из того, что я не захочу? Клятва альфы ничего не стоит?

— Клятва альфы незыблема, если это не касается безопасности истинной. В Крайтоне опасно. Мы возвращаемся в таверну.

— Не пойду! — выпалила она и попыталась сбежать. Бросилась через лес в сторону тракта.

Правда, Тео догнал ее быстро, даже не перекидываясь, и, как и обещал, взвалил на плечо. Поморщился, почувствовав нотки страха в аромате истинной: Ева до сих пор боялась его, хотя он даже не ей, себе поклялся, что никогда ее нарочно не обидит. Все у них по согласию должно быть. И руку не поднимет, хотя очень хочется пройтись ладонью по ягодицам, чтобы горели красным: за то, что собралась собой рисковать. А потом целовать нежную кожу, наслаждаясь стонами удовольствия.

Ева хоть и отрицала, что жаждет близости между ними, разделяя себя и волчицу, но все равно наслаждалась, когда отпускала себя. Тео не сразу, но догадался, что от вбитых ей в голову постулатов, что вервольфы злые и грязные, она не может ему по-настоящему открыться. И только в моменты, когда они сливались воедино в экстазе, его истинная забывала обо всех табу. Хорошей новостью было то, что такие моменты существовали, плохой, что Ева потом ела себя поедом за их близость и даже прикасаться к нему отказывалась.

А ведь его волку хотелось этого: не только горячих ночей, но и просто сжимать истинную в объятиях, вдыхать ее аромат, оставлять на ней свой. Простых поцелуев и прикосновений... Для Евы все это было под запретом. Пока под запретом. Теодрик собирался ее приручить, пойти навстречу ее желаниям, но истинная решила отправиться в единственную выстоявшую человеческую цитадель. Ради семьи, которая может не принять ее вовсе. Не тогда, когда она обрела истинного по традициям вервольфов.

Теодрик не знал семью Евы, но он как никто другой знал, насколько безжалостными могут быть люди. Они не щадили даже женщин и детей, так с чего они должны пощадить его истинную?

— Не брыкайся, — приказал он, все-таки погладив ее по ягодице. — Сейчас вернемся на постоянный двор и напишем им письмо.

— Письмо? — перестала вырываться Ева.

— Письмо, в котором ты попросишь своих родных выйти из Крайтона и встретиться с тобой. Город большой, но не настолько, чтобы посыльный их не нашел. Дадим ему монет сверху, и лешего отыщет, не то что твою семью.

— Они не умеют читать, — призналась она, — а я — писать. Мы грамоте не обучены.

— Научу тебя, если захочешь, — предложил Теодрик. — Не сейчас, конечно, а когда дома окажемся.

Он ждал, что истинная скажет что-то вроде «больно надо», но вместо этого она попросила:

— Отпусти меня.

Альфа тут же выполнил ее приказ и предложил другой вариант:

— Тогда пусть посыльный на словах передаст. Надеюсь, они у тебя не глухие.

Ева бросила на него злой взгляд, но до постоянного двора они добрались без происшествий. Она всю дорогу с тоской оглядывалась, будто жалела пройденного пути. Но послушно за ним шла. Эта послушность как раз сыграла с ним злую шутку.

Тео помнил, что сама Ева устроила спектакль на мосту, знал, что истинная ему досталась отважная, но не глупая. К тому же, она сама составила послание, кивала и от волнения кусала губы. Она с ним согласилась насчет опасностей, что таила в себе Крайтонская крепость, и альфа расслабился.

Он отлучился на несколько минут, оставив Еву за столиком в таверне, а сам отправился на поиски посыльного. Когда же вернулся, истинной и след простыл.

Теодрик зарычал и бросился на крыльцо, принохиваясь и рассчитывая догнать ее по следу. Но уловил лишь отвратительно сильный аромат специй: по тракту шли телеги торговцев, что везли в цитадель пряности. Для вервольфа такой сильный запах скрыл аромат его истинной под вуалью неизвестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.